

Всё Носова-
2005-13 апр-с.31

БЕДНЫЙ, НО ПОЛЕЗНЫЙ БЕС АСМОДЕЙ

ПЕРЕКЛИЧКА ГОЙИ И ДАЛИ В РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ

«Есть люди, чьи лица — самое неприличное место на всем теле, и было бы не худо, если бы именно их они прятали в штаны», — писал великий испанский художник Франсиско Гойя один из своих знаменитых «Капричос» — капризов, маленьких фантазий, как назвал он серию офортов, по сей день являющихся одним из самых загадочных и интересных произведений мирового искусства. Созданные в период подступающей глухоты и серьезной депрессии, офорты Гойи — словно бы Испания в кривом зеркале, неприличная ночная страна ведьм и приплясывающих висельников, в которой совсем нет солнца, зато много фантастической и страшной нечисти.

Спустя полтора столетия другой великий испанец, Сальвадор Дали, скопировал офорты Гойи в своей манере, наполнив их цветом и придумав свои собственные подписи к этим мрачным сюжетам. И вот любители изобразительного искусства имеют уникальную возможность сравнить внутренний мир двух испанских гениев — в Российской Академии художеств проходит выставка «Сны разума» из собрания Кунстгалерии Боттингерхаус Бамберг (Германия), где представлены по 80 офортов Гойи и Дали с хорошим комментарием.

Народное ли это поверье или красивая выдумка фантазеров-искусствоведов, но вроде бы слова насчет неприличных лиц продиктовал Гойе Хромой бес — дитя народной испанской фантазии, получивший потом развитие в европейской литературе. Родом из низших демонов, Хромой Асмодей обладает способностью летать над ночной Испанией и снимать крыши с домов, точно с пирогов. То, что происходит под крышами (и чего посторонним обычно не показывают), он дает подсмотреть своим любимцам — тайное, са-

кральное, нечистое. «На рассвете разбегаются в разные стороны домовые, ведьмы и призраки. Хорошо, что это племя показывается только во тьме ночной. До сих пор никто не сумел узнать, где их логово, где они прячутся днем».

Мир офортов Гойи густо населен собратями Хромого беса. Да и обычные люди изображены так, что на них явно виден отпечаток нечистой силы. Великий Ведьмак, управляющий шабашем, сонм демонов с ослиными головами, коронованный Козел — Князь Тьмы и куда более фантастические существа, созданные воспаленным воображением страдающего художника: полустарик-полудети, стригущие друг другу когти на уродливых, старчески тощих ногах угрожающе большими ножницами; страшные трущобные старухи-сводни и молодые гримасничающие красотики с мечтой о любовнике, кокетливо выглядывающие из-под черных вуалей; пьянствующие монахи и сутенеры, пожирающие кишки абортированных младенцев своих проституток — рассматривая эти картинки, понимаешь: совсем не случайно еще при жизни Гойи о нем ходили слухи, что художник заключил договор с самим Дьяволом, ледяное дыхание которого и вправду чувствуется. Эти черно-белые офорты — своего рода энциклопедия ведьмачества всех уровней, от самого высокого — фантастической крысы в епископской митре, вершащей инквизиторский трибунал — до самого низкого. «Маленькие домовые. Это совсем другой народ: веселые, резвые и услужливые. Немножко лакомки, охотники до шалостей; но все-таки это славные человечки». Стоит посмотреть на этих «славных человечков» — приземистых, мордастых, больше ротых, коротконогих и пузатых: не дай Бог такое ночью приснится.

Три десятка лет оставалось жить Гойе. Но вероятнее всего, ри-

суя свои страшные офорты, стареющий, страдающий, полусумасшедший и уже почти глухой пятидесятилетний придворный портретист, только что переживший тяжелую личную драму, разочарованный в жизни и предчувствующий, что вот-вот окажется политически неудобным, был уверен, что его жизни конец. Это и продиктовало рисункам высочайшую степень трагического напряжения. И из первого издания своих «Капричос» Гойя сумел продать менее трех десятков экземпляров — его офорты были тут же запрещены. Но «отец сюрреализма» Сальвадор Дали, обратившийся к офортам Гойи в конце жизни, в 1977-м — в зените всемирной славы, — скорее играл в творческое безумие, чем страдал им в реальности. Он был не гениальным безумцем, а великим эстетом. И мир офортов Гойи он населил еще и своими, уже не раз использованными, погулявшими по миру образами, давно ставшими его «визитной карточкой». Так среди уродцев на ходулях и козлоголовых бесов вдруг появились в большом количестве знаменитые мягкие, растекающиеся часы, не менее знаменитый жираф, романтический плачущий конь и обильная сексуальная символика, которой у Гойи не было. У больших и важных гойевских ослов вдруг выросли преогромные фаллосы. Зарешеченное окошко в каморке, где гуляют маленькие домовые, превратилось в нависающие над больше ротыми уродцами розовые губки голливудской кинодивы, пухлые и соблазнительно приоткрытые. Дает о себе знать и общеизвестное увлечение Дали всем новомодным, его способность переработать в искусстве самые свежие мотивы современности. Некоторые офорты он подписал так: «Кислород на Марсе», «Для экзистенциализма материала предостаточно». Сюжетно они мало чем отличаются от

исходного материала конца XVIII века — зато это типичный пример эпатажа, легкого и насмешливого издевательства над публикой, всегда составлявшего часть гения Сальвадора Дали.

Заметно и свойственное Дали благодушие, подчас даже сентиментальность по сравнению с жестким и потрясенным взглядом Гойи. Вот один из офортов: Большой осел (Мастер Осел, называет его комментатор) учит маленького осленка по большой умной книге, водит копытом по строчкам. Но глаза у него закрыты. «А не умнее ли ученик?» — подписывает Гойя. «Да!» — отвечает Сальвадор Дали, раскрывая это изображение в своем офорте и добавляя длинный грифель, которым Мастер Осел глубокомысленно ковыряет в носу. А вот знаменитый офорт «До самой смерти», изображающий испанскую королеву в день ее 75-летия, еще в своей спальне, в простой ночной рубашке и чуть съехавшем чепце: отвратительная старуха, прихорашивающаяся перед зеркальцем, вошла в историю искусства как символ гнилости, омерзительного эгоистического существования никчемных испанских аристократов той эпохи. А вот соответствующий офорт Дали. Среди всех «Капричос» он кажется одним из самых мягких, человечных. К изображению Гойи добавлен нависающий над всей картинкой синий, нейтральный мужской силуэт. Кто это? Для кого прихорашивается старуха, почему-то больше не кажущаяся такой отвратительной, о ком думает перед старинным зеркальцем? Видимо, давно умершего счастливого любовника вспоминает морщинистая фурия, когда-то разбивавшая сердца кабальерос в образе блестящей придворной барышни...

И все-таки основной гневный пафос старых офортов Дали не только сохранил, но и усилил. Близкое дыхание Дьявола, у Гойи

данное в виде мифологических картин и скорее похожее на далекий подземный гул, Дали напрямую передает изображениями чудовищных морд, огромных и отвратительных, склоняющихся над жуткими сюжетами Гойи, роняющих из носов какую-то мерзкую жидкость... Но особенно дьявольскую сторону «Капричос» раскрывает то, что сделал Дали с офортом Гойи «Охота за зубами». Гойя использовал колдовское поверье, что истолченные зубы висельника — один из ингредиентов любовного приворота, и изобразил женщину, в ночной тьме вырывающую зуб у повешенного. Дали превращает эту картинку в сюжет, леденящий кровь. Вот женщина рукой со щипцами дотянулась до рта мертвеца, болтающегося в петле. И в тот момент, когда зуб под щипцами треснул, висельник неожиданно фонтаном выпускает семя прямо в лицо колдунье, которая в ужасе закрывается платком от заливающей ее глаза трупной спермы — любовного приветствия с того света.

Каждый офорт этой редкостно интересной выставки требует внимательнейшего рассмотрения. В каждом обильно рассыпаны потрясающие символы. Напомним, что прошло уже двести с лишним лет, а искусствоведы все трудятся над расшифровкой «Капричос». Внес свою великую лепту и сам Дали, изобразив в офорте под названием «Гойя» двух полулюдей-полудемонов: сам художник, уже в демоническом образе, рядом с Асмондеем — едут на мулах по испанской равнине, насмешливые всевозможного смысла. Как тут не вспомнить подпись к одному из офортов Франсиско Гойи: «Вот и Хромой бес. Этот бедный бес, над которым все издеваются, иногда тоже бывает полезен!»

ДМИТРИЙ САВОСИН

Гойя Дали

Жанровая сценка Гойи переходит у Дали в философскую фантазмагорию. А свою авторскую подпись он поставил прямо под черепом

Гойя Дали

Обучение ослиной грамоте на офорте Сальвадора Дали происходит под присмотром желтолицего чудища, склонившегося с небес

